

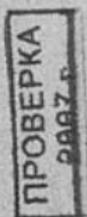
НІ 5381

А. О. Конц.

ПИСЬМО

А. С. ПУШКИНА.

4277

1 декабря 1826 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
1905.

Извлечено изъ «Журнала для всѣхъ» № 12, 1904 г.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА *).

1 декабря 1826 года.

I.

30 июля 1824 года Пушкинъ; давъ наканунѣ подписку, которой обязуется слѣдовать безостановочно по предписанному маршруту, выѣхалъ

*) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился въ Москвѣ 26 мая 1799 года; поступилъ въ Царскосельскій лицей 12 августа 1811 года; окончилъ курсъ 9 июня 1817 года и зачисленъ на службу по Коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ началѣ мая 1820 года высланъ на югъ Россіи, въ распоряженіе и подъ надзоръ попечителя колоній южнаго края, генерала Низова, благодаря просвѣщенному отношенію котораго получилъ возможность побывать на Кавказѣ, въ Крыму, въ Кіевѣ и Бессарабіи и обогатиться новыми впечатлѣніями, отразившимися на его гениальныхъ произведеніяхъ; въ маѣ 1823 г. принятъ на службу генераль-губернаторомъ Новороссійскаго края графомъ Воронцовымъ и переѣхалъ въ Одессу; 30 мая 1824 года высланъ на принудительное жительство въ село Михайловское; женился въ Москвѣ, 18 февраля 1831 года, на Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. Смертельно раненый на дуэли съ барономъ Дантесомъ 27 января 1837 г., скончался 29 января, — погребенъ въ Святогорскомъ монастырѣ 6 февраля.

Ред.

„глаголомъ жечь сердца людей“ и ударить по нимъ „съ невѣданною силой“. Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, „избранному небомъ гѣвцу“, нельзя „молчать, потушивъ очи долу“. Онъ взялъ съ собою, по словамъ Веневитинова, для доставленія Государю стихи, кончавшіеся словами: „Возстань, возстань, пророкъ Россіи,—позорной ризой облекись...“ и, вѣрный своей ненависти ко лжи, до забвенія собственной опасности, „мужаясь, презирая обманъ и стезею правды бодро слѣдуя“, на роковой вопросъ: „принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ 14 декабря 1825 г.“—отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь оцѣнилъ прямодушіе поэта, „почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль“,—Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ. Онъ не могъ еще предвидѣть, какъ,—согласно народной поговоркѣ „жалуетъ царь, да не жалуетъ нсарь“,—лукаво и оскорбительно для него извратить шефъ жандармовъ Бенкендорфъ обѣщаніе Государя быть *самому* его цензоромъ, извратить до такой степени, что Пушкину придется въ 1835 году въ прошеніи, исполненномъ пропніи и подавленнаго гнѣва, *всеуниженно* просить цензурный комитетъ объ урегулированіи своихъ отношеній къ цензурѣ и скрывать имя автора при печатаніи „Капитанской дочки“.

Уже въ ноябрѣ 1826 года Бенкендорфъ сталъ

между двумя царями—царемъ русской земли и царемъ русской поэзіи,—ограничивая великодушіе перваго и стѣсняя великій талантъ втораго. Но въ сентябрѣ этого еще не было, и Пушкинъ послѣ 8 сентября сразу окунулся въ шумную, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества. „Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятеля своего Соболевскаго, съ восторгомъ, пишетъ въ своихъ воспоминанія Шевыревъ:—его вездѣ носили на рукахъ, во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на него, въ мазуркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта непрерывно“.

„Однозвучный жизни шумъ“ не могъ однако увлечь Пушкина. Онъ жаждаль дѣлиться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ цѣнителей и судей. Онъ трижды читаль у князя Вяземскаго и Веневитинова „Бориса Годунова“, относительно котораго ему былъ впоследствии преподанъ, подвліяніемъ записки Бенкендорфа, совѣтъ „передѣлать свою комедію, *по нужномъ очищеніи*, въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта“. Слушатели чтеній,—Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяховъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій,—не раздѣляли, однако, такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. „О какое удивительное было утро,

оставившее слѣды на всю жизнь! восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній:—не помню, какъ мы разошлись, какъ dokonчили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены“.

Въ началѣ ноября Пушкинъ на очень краткое время покинулъ Москву и 9-го уже сообщаетъ изъ Михайловскаго князю Вяземскому о „поэтическомъ наслажденіи возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму“. Но 21 ноября онъ опять въ Москвѣ, откуда пишетъ Языкову, по поводу сотрудничества его въ „Московскомъ Вѣстникѣ“. Это вторичное пребываніе его въ Москвѣ было, очевидно, очень непродолжительнымъ, такъ какъ въ концѣ ноября онъ уже собирается изъ Михайловскаго пріѣхать въ Москву къ 1 декабря, но болѣзнь задерживаетъ его во Псковѣ, откуда ему удастся выбраться лишь около половины декабря.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: „Долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му (декабря)... она велѣла. Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться“. Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: „Буду къ вамъ и не дожду. Какой! Меня доѣзжаютъ... Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онегина, я проигрывалъ въ штокъ

четвертую. Не забавно!..“ Въ концѣ ноября изъ Пскова снѣ посылаетъ Соболевскому какое-то письмо на имя Зубкова, говоря: „Перешли *письмо Зубкову*, безъ задержанія малѣйшаго. *Твои догадки гадки, виды мои гадки.* На дняхъ буду у васъ, покамѣсть сижу или лежу во Псковѣ“.

II.

Письмо къ Зубкову нынѣ найдено... Съ разрѣшенія обладательницы этого письма, вдовы покойнаго выдающагося русскаго ученаго и мыслителя, Бориса Николаевича Чичерина, письмо это печатается ниже. Нужно ли говорить о прелести его содержанія и языка, въ которыхъ такъ ярко вылился Пушкинъ со всеми благородными сторонами своей пылкой натуры, со всемъ блескомъ своего искрометнаго ума? Это письмо раскрываетъ еще невѣдомую доселѣ страницу въ жизни поэта и служитъ новымъ опроверженіемъ того „предательскаго привѣта“, которымъ почтилъ его въ своихъ запискахъ другъ его юности, графъ Корфъ. Оно подтверждаетъ также указанія, содержащіяся въ приведенныхъ письмахъ къ кн. Вяземскому и Соболевскому.

Василій Петровичъ *Зубковъ*, родившійся 14 мая 1800 года (по формулярному списку ему, однако, въ 1851 году значилось 53 года) воспитывался дома и обучался затѣмъ въ осно-

ванной и руководимой генераломъ Н. Н. Муравьевымъ „школъ для колонно-вожатыхъ“. Это замѣчательное заведеніе, содержимое на частныя средства своего учредителя, съ чрезвычайно разумною и цѣлесообразно практическою программой, готовило молодыхъ людей, главнымъ образомъ, къ дѣятельности, нынѣ свойственной офицерамъ генеральнаго штаба. Но изъ него вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей не на одномъ военномъ поприщѣ, сохранившихъ о Муравьевѣ самыя благодарныя воспоминанія. По словамъ одного изъ нихъ (А. Ф. Вельмана), ученіе въ школѣ шло „свободно, легко и весело“, увлекаая „молодыя чувства, полныя стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участию въ общественной пользѣ“. Здѣсь „наука воплощалась въ опытъ, мысль и слово—въ дѣло, а голова не была въ разлукѣ съ мышцами, требующими движенія“. Тяжелое нездоровье заставило, однако, Зубкова оставить службу въ колонно-вожатыхъ, которые считались состоящими въ свитѣ Государя, и перейти въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, откуда въ 1823 году онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству Совѣтникомъ Московской Палаты Гражданскаго Суда. Въ 1843 году онъ былъ уже Оберъ-прокуроромъ 8-го Департамента Сената въ Москвѣ, въ 1846 году Оберъ-прокуроромъ Общаго Собранія Московскихъ Департаментовъ, въ 1851 году Оберъ-прокуроромъ I Департамента, а въ 1855 году

l'unne il est impossible de l'aimer
 d'avantage, comme il est impossible
 de la trouver plus belle encore avec le
 temps, car il est impossible d'être
 plus belle — Subito enim, y probop
 ee, y ppon ee, natempaym ee
 Noumbrar abepubhs e y plm eent

Ad.

à Moscou, je vous envoie quelques
 chose je tiens à ma Lurquonne
 toute saine je l'espère. Je félicite
 le Cte. Sousof

сдѣланъ Сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку. Человѣкъ все-сторонне образованный, продолжавшій интересоваться наукою въ обширномъ смыслѣ слова до конца дней, привѣтливый и добрый, онъ вносилъ въ разрѣшеніе дѣлъ въ Сенатѣ строгое, безпристрастіе и пелищемѣрное стремленіе къ правосудію, умѣя пользоваться трудомъ и практическимъ знаніемъ канцелярскихъ дѣльцовъ стараго покроя, не давая имъ въ то же время возможности злоупотреблять своимъ положеніемъ. Подъ его вліяніемъ въ 8 Департаментѣ Сената создавалась плодотворная школа для молодыхъ юристовъ, между которыми были такіе замѣчательные цивилисты, какъ К. И. Побѣдоносцевъ, и не мало будущихъ дѣятелей судебной реформы.

По выходѣ въ отставку, Зубковъ переселился въ Москву, гдѣ и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ съ Пушкинымъ, кн. В. Ө. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ. О немъ вспоминаетъ въ своихъ запискахъ И. И. Пущинъ, рассказывая, какъ кн. Юсуповъ, увидя въ 1824 году на балу у Московскаго Генераль-Губернатора неизвѣстнаго „штатскаго“, танцующаго съ дочерью хозяина, спросилъ Зубкова о томъ, кто это такой? и узнавъ, что это судья Надворнаго Суда Пущинъ („освятившій собою избранный санъ“, по выраженію Пушкина),—воскликнулъ: „Какъ! надворный судья и танцуетъ съ дочерью Генераль-Губернатора?! Это вещь не-

бывалая, тутъ кроется что-нибудь необыкновенное“... Василий Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аннѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была, по воспоминаніямъ Елизаветы Петровны Янковой, изящна, какъ фарфоровая саксонская куколка. Ея сестра, Софія Ѳедоровна, тоже воспитанница Апраксиной, была настоящею красавицею. Стройная, высокая ростомъ; съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными „какъ смоль“ глазами, эта умная и милая въ обращеніи дѣвушка произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина во время его пребыванія въ Москвѣ осенью 1826 года. Къ ней относятся въ письмѣ его къ кн. Вяземскому слова: „она *велла*“, и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Анненковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещееву:

„Зачѣмъ безвременную скуку
 Зловѣщей думою питать
 И неизбѣжную разлуку
 Въ уныньи робкомъ ожидать?
 И такъ ужъ близокъ день страданья!
 Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
 Ты будешь звать воспоминанья
 Потерянныхъ тобою дней:
 Тогда изгнаньемъ и могилой,
 Несчастнѣй, будешь ты готовъ
 Купить хоть слово дѣвы милой,
 Хоть легкой шумъ ея шаговъ.“

Пушкинъ останавливался, по предположенію П. О. Морозова, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои „Стансы“, вызвавшіе несправедливыя нареканія „друзей“, и чудесный его отвѣтъ имъ въ 1828 г.: „Нѣтъ, я не льстецъ“...

Поэтъ былъ суевѣренъ, вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было нѣсколько перстней. Гаевскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердоликомъ, подаренный Пушкину графиней Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, принадлежавшій впоследствии И. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Віардо Пушкинскому музею Лицея; другой, подаренный умирающимъ Пушкинымъ Далю—съ изумрудомъ; третій—съ блѣдной, грушевидной бирюзой, подаренный поэту Нащокинскимъ и снятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки,—и четвертый съ маленькою бирюзой.

Быть можетъ, въ припискѣ къ письму Пушкина Зубкову рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анненкова, другой перстень съ бирюзой былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Софья Ѳеодоровна Пушкина вышла замужъ за Валеріана Александровича Панина и имѣла трехъ сыновей и дочь.

Графъ Николай Александровичъ Самойловъ, котораго поздравляетъ Пушкинъ въ припискѣ

къ письму, былъ послѣднимъ въ родѣ, который пресѣкъся съ его смертью въ іюль 1842 г. Въ 1825 г. онъ женился на графинѣ Юліи Павловнѣ фонъ-деръ-Паленъ.

III.

Cher Zoubkof, vous n'avez pas reçu de lettre de moi et en voici la raison: je voulois vous arriver comme une bombe le 1 dec. c. à d. aujourd'hui, il y a donc 5 à 6 jours que je suis parti de mon maudit village en перекладная—vu les chemins détestables.—Les ямщикъ de Pskov n'ont eu rien de plus pressé que de me verser, j'ai le côté foulé, la poitrine malade, je ne puis respirer, de rage je joue et je perds.—En voilà assez: j'attends que je sois tant soit peu mieux pour reprendre la poste.

Vos deux lettres sont charmantes; mon arrivée eût été la meilleure réponse aux réflexions, objections etc. Mais puisque me voilà dans une auberge de Pskov au lieu d'être aux pieds de Sophie, j'asons, c. à d. raisonnons.

J'ai 27 ans, cher ami.—Il est tems de vivre, c. à d. de connaître le bonheur.—Vous me dites qu'il ne peut être éternel: belle nouvelle! Ce n'est pas mon bonheur à moi qui m'inquiète, pour-

rois-je n'être pas le plus heureux des hommes auprès d'elle—je tremble seulement en songeant au sort qui, peut-être, l'attend—je tremble de ne pouvoir la rendre aussi heureuse que je le désire. Ma vie jusqu'à présent si errante, si orageuse, mon caractère inégal, jaloux, susceptible, violent et faible tout à la fois—voilà ce qui me donne des moments de réflexions pénibles.—Dois je attacher à un sort aussi triste, à un caractère aussi malheureux, le sort d'un être si doux, si beau? Mon Dieu qu'elle est jolie! et que ma conduite avec elle a été ridicule.—Cher ami, tâchez d'effacer les mauvaises impressions qu'elle a pu lui donner—dites lui que je suis plus raisonnable que je n'en ai la mine et la preuve —что тебѣ въ голову придеть. Мерзкій этотъ Панинъ, два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ— а я вижу разъ ее въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Si elle trouve que Панинъ a raison, elle doit croire que je suis fou, n'est-ce pas? Expliquez lui donc que c'est moi qui ai raison, que quand on l'a vue, il n'y a pas à balancer, que je ne puis avoir des prétentions à la séduction, que j'ai donc très bien fait d'en venir tout droit au dénouement, qu'une fois qu'on l'aime

il est impossible de l'aimer d'avantage, comme il est impossible de la trouver plus belle encore avec le tems, car il est impossible d'être plus belle.—Ангель мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня.

А. П.

A Moscou je vous dirai quelque chose. Je tiens à ma Turquoise toute infâme qu'elle est. Je félicite le C-te Samoilof.

(На листѣ почтовой сѣровой бумаги, большого формата, безъ водяныхъ знаковъ, съ золотымъ обрѣзомъ).

Дорогой Зубковъ, Вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т. е. сегодня, прилетѣть къ Вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня помятъ бокъ, болитъ грудь и я не могу дышать. Взбѣшенный—я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой приѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на раз-

мышления, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т. е. станемъ разсуждать.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т. е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожить,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею!—я трепещу лишь думая о судьбѣ, быть можетъ, ее ожидающей,—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ—неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый,—вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней! Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому—что тебѣ

въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ, въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что я сошелъ съ ума,—не правда ли? Объясните же ей, что правъ я, что увидѣвъ ее нѣльзя колебаться, что не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ,—что полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно въ послѣдствіи найти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настрашай ее Панинымъ сквернымъ и жени меня.

А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что расскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова.

Сообщилъ *А. О. Кони.*

